

произведения, в чем-то похожа на каждого из нас, в тринадцать лет или в тот момент, когда мы начинаем смотреть на мир другими глазами» (Трофимова М., 16 лет, о повести Е. Мурашовой «Полоса отчуждения»).

Примеров частных методик, направленных на овладение способом идентификации при чтении художественной литературы, можно было бы привести много. Очертим лишь круг задач, содействующих этой цели:

- раскрывать детям ценность идентификации как элемента творческого чтения, ведущего к самопознанию и саморазвитию;
- помогать включать читаемое в контекст жизни ребенка: в прошлом, настоящем и будущем;
- учить переносить черты персонажа целиком или частично на людей, знакомых ребенку по жизни, или на него самого, стимулировать при этом поиски не только сходства, но и отличия.

Вести детей от идентификации внешних черт человека к идентификации внутреннего мира, побуждать за видимостью искать сущность.

Решая эти задачи, мы, библиотекари, открываем книге путь к сердцу ребенка, превращаем чтение в жизненно значимую для него деятельность, питаем его ум и душу. Иначе говоря, содействуем его духовному развитию.

ЛИТЕРАТУРА:

Андреева И.В. Самопознание как феномен чтения старших подростков // Дети. Книга. Библиотека: поиски и обретения 90-х годов. Сб. статей. — Челябинск, 1999. — С.18-28.

Андреева И.В. Чтение как источник самопознания в период отрочества // Мир библиотек сегодня. — 1996. — Вып. 2. — С.45-54.

Бутенко И. А. Юный читатель и библиотека (чтение девочек и мальчиков) // Книга. Исследования и материалы: Сб. 67. — М.: Терра, 1994. — С.53-64.

Осорина М.В. Этапы развития личности ребенка и его чтение // Детское чтение: феномен и традиция в конце XX столетия. — СПб, 1999. — С.17-21.

Тихомирова И.И. «Ищу в чужой строке себя...» // Библиотека — 2003 — № 3. — С.36-38.

Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1996. — 340 с.

И.А. АНТИПОВА,
преподаватель кафедры детской литературы
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Образ читающего ребенка в русской литературе XX века

*«Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлёте,
Неизменившие друзья
В потертом старом переплёте»*

М.И. ЦВЕТАЕВА

В русской литературе образ читающего ребенка, более того, глубоко захваченного чтением и трепетно чувствующего прочитанное, появился в XVIII веке. Из литературы 90-х годов XX столетия этот образ исчезает, он почти потерян.

«Куда же и почему исчез образ книги и читающего ребенка в современной детской литературе?»

«С возвращением в детскую литературу «нетехнологической», «неформульной» прозы вернется в мир литературного детства и книга, потому что до тех пор, пока существует «гутенбергова галактика», существует и нерасторжимая онтологическая связь между ребенком и книгой».

Взаимоотношения ребенка с книгой и с миром книжной культуры нередко становились самостоятельным предметом художественного изоб-

ражения. Образ читающего ребенка на страницах русской литературы появляется начиная с XVIII в., т. е. того самого периода, когда формировалась парадигма

«новой культуры», и неизменно присутствует вплоть до сегодняшних дней. Являясь своего рода константным литературным мотивом, этот образ не остается неизменным, а наполняется различным содержанием в зависимости от культурно-исторического контекста и индивидуальных авторских сентенций. Обращение к этой теме позволяет раскрыть диалектическую взаимосвязь основных идей и представлений, связанных с комплексом «ребенок — книга», и обозначить функции этого комплекса в структуре художественного текста.

Характерно, что тема книги и чтения преимущественно связана с героями-детьми и в детской и во «взрослой» литературе. Первый появившийся в русской литературе «реальный ребенок» — десятилетний Леон из неоконченного романа Н. М. Карамзина «Рыцарь нашего времени» (1791) — сразу же обозначил онтологическую и органическую взаимосвязь детства и книги: **«Скоро отдали Леону ключи от маменькиного шкапа... <...> Леону открылся новый свет, в романах он увидел, как в магическом фонаре, множество разнообразных людей, множество чудесных действий, приключений, игру судьбы, дотоле ему неизвестную. Душа Леонова плавала в книжном свете, как Христофор Колумб в Атлантическом океане для открытия сокрытого!»** (1). Уже здесь со всей очевидностью обозначена одна из центральных идей комплекса «ребенок — книга», согласно которой приобщение ребенка к книге равнозначно открытию нового мира, нового пространства, т.е. подлинно колумбовского «нового света». Идея эта во

многом питается традицией отношения к книге в древнерусской культуре: **статус книги и книжного знания был исключительно высок, с книгой сравнивалась Вселенная, человеческая жизнь, за книжным миром признавались права на особое существование: «Книга есть не что иное, как вторая реальность»** (2).

Открытие ребенком «нового света» представлено, главным образом, на страницах автобиографической прозы, когда автору важно подчеркнуть истоки духовного развития героя, запечатлеть наиболее яркие и существенные переживания детства. При всем разнообразии описаний этого события (например, от восторженно-страстного в мемуарной прозе Марины Цветаевой до иронично-отстраненного в «Пушкинском доме» А. Битова), прослеживаются некоторые общие черты, характеризующие начало читательской биографии ребенка:

- первая самостоятельно прочитанная книга запоминается как момент некоей инициации, посвящения в два мира одновременно: в мир «больших», которые по представлениям ребенка умели читать «всегда», и в мир «второй реальности», т.е. художественного пространства книг. Этому событию часто сопутствует состояние особой влюбленности, особой «восхищенности» (используя выражение М. Цветаевой). Книга почти в буквальном смысле способна похитить ребенка, заглянувшего в нее и попавшего под чары «второй реальности». «Дон-Кихот, по которому я учился читать, картинки в этой книге, рассказы о рыцарских временах совсем свели меня с ума...» — вспоминает И. Бунин (3). «А я влюблена — в «Цыган»: в Алеко, и в Земфиру, и в ту Мариулу, и в того цыгана, и в медведя, и в могилу, и в странные слова, которыми все это рассказано... Мне жарко в груди, в самой грудной ямке, и не могу об этом сказать ни слова взрослым — потому что тайна», — пишет Цветаева (4);
- вступление в книжный мир часто сопровождается феноменом, который условно можно обозначить как пробуждение в сознании ребенка некоей «прапамяти», частицы, может быть, коллективного сознания, генетической или космической памяти. Встретив на страницах книг «свою» эпоху, ребенок необъяснимо, но несомненно на-

чинает ощущать свою связь с минувшими временами, с древними или экзотическими культурами: «Я испытывал всегда одинаковое беспокойство, видя картинки или читая рассказы о первобытных временах. И беспокойство это было близко к восторгу. Мне казалось, что я как-то родственно связан с тем временем» (Е.Шварц) (5). «У меня забилось сердце в этом рыцарском мире, и я знаю, что я прежде к нему принадлежал.» (И.Бунин) (3).

- мир художественного вымысла, открывшийся перед читателем-ребенком, может служить в буквальном смысле слова «второй реальностью», куда возможно совершить побег от тревожных или рутинных ситуаций «первой действительности». Именно так читает «Остров сокровищ» семилетний герой повести В. Крапивина «Тень каравеллы»: «Безотрадный вечер растаял, провалился, исчез. Темные чудища в углах могли играть в чехарду и размахивать мохнатыми щупальцами — плевал я на них. Холод мог украсить потолочные балки гребнями сосуллек — меня это не касалось. Я глотал страницу за страницей, и море гремело у серых гранитных уступов, и ветер яростно хлопал ставнями на окнах одинокой таверны, и старые часы скрипуче били полночь, во мне гремели отголоски удивительного мира опасностей и тайн» (6). Или ситуация, описанная Андреем Белым в мемуарах «На грани веков»: окунувшись в возрасте 8-ми лет в чтение Купера, будущий поэт начал «параллельную жизнь в североамериканских лесах» (7) — он изучал географические труды и карты, со-

чинял биографию героя, отождествляя себя с ним. Аналогичный сюжет лежит в основе рассказа Надежды Тэффи «Гурон».

Начиная с С. Т. Аксакова («Детские годы Багрова-внука», 1858), книга становится своеобразным **знаком детства**: в мемуарно-психологической прозе детская, именно детская книга, обращает героя к воспоминаниям о детстве, подталкивает к саморефлексии. В этом контексте с образом книги связаны ощущения защищенности, уюта, дома, ностальгии: «Из рая детского житья/ Вы мне привет прощальный шлете, / Неизменившие друзья / В потертом старом переплете <...> О, золотые времена, / Где взор смелей / и сердце чище! / О, золотые имена: / Гек Финн, Том Соьер, Принц и Нищий!» (Марина Цветаева). Детские читательские пристрастия дают авторам пищу для размышления об особой магии книг, о своеобразии и необъяснимости на уровне логических категорий, особенностей детского восприятия. («Другие берега» В. Набокова и др.)

Наряду с автобиографической прозой образ читающего ребенка широко представлен в жанре так называемой «школьной повести». Если авторам произведений автобиографического характера было важно воссоздать книжный контекст своего духовного и творческого развития, то в школьной повести в большей степени отражаются социально-идеологические функции книги. Корпус текстов школьной повести позволяет судить о том, какие идеи и взгляды на проблемы детского чтения бытовали в обществе в тот или иной период.

В произведениях начала XX в. книга и увлеченное чтение, как правило, является знаком романтического героя (чаще всего, героини). При этом авторы избегают конкретики: героини Л. Чарской, А. Анненской, Е. Водозовой, Н. Лухмановой читают «книги вообще» — читают страстно и самозабвенно. Сюжеты и образы их любимых книг не корреспондируют в повествовании о судьбах героинь, здесь, как феномен, скорее, выделяется способность погружаться в мир вымысла, обогащать книжную реальность своей фантазией и воображением. Заурядные и отрицательные героини такой способности лишены.

В советской школьной повести 20-30-х гг. с книгой и чтением связан ряд совершенно иных идей:

- романтическое чтение подвергается негативной оценке, чрезвычайно снижается статус книжного знания и книжной культуры. Эти представления великолепно выражены в «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнева (1928) и «Кондуите и Швамбрании» Л.Кассиля (1931). Происходит решительная переоценка книжного наследия старого мира, выдвигаются новые приоритеты в оценке книги — идеологическая выдержанность, практическая направленность, злободневность. В «Дневнике Кости Рябцева» противостояние старой и новой книжной культуры обозначено оппозицией категорий «жить» и «думать»: понятие «жить» соотносится с активным преобразованием действительности и оценивается положительно, понятие «думать» связано с книжным сознанием, литературным творчеством, и вызывает скептическую оценку;
- увлеченное чтение, особенно «идеологически невыдержанных» книг, становится знаком героя чуждого, или никчемного, или чудаковатого, или временно заблуждающегося. Например, в пьесе В. Любимовой «Сережа Стрельцов» (1935) конфликт главного героя с коллективом — один из самых тяжких грехов согласно советской этике — подчеркивается увлечением мальчиком поэмой Лермонтова «Мцыри».
- чтение, осмысление, переживание конкретных книг позволяет авторам обозначить позицию героя, раскрыть его рефлексию, выразить через чувства и мысли героя отношение эпохи к тому или иному явлению художественной литературы. Атмосфера тех лет ярко запечатлена в эпизодах диспутов, «судов» над литературными героями (например, «Суд над Евгением Онегиным» в «Двух капитанах» В.Каверина), «ниспроверганиях» писателей старой эпохи с «корабля современности».

В литературе 60-80-х гг. книга и чтение в большей степени становятся связаны с лирическим миром героя — образ или сюжет какого-либо произведения становится кодом, обозначающим определенную ситуацию в жизни героя или состояние его души («Дубравка» Р.Погодина, «Что к чему» В. Фролова, «Птица» Г. Демькиной, «Белая ворона» Э. Пашневой, «Шут» Ю. Вяземского, «Черновой

вариант» Е.Матвеевой и др.). Круг чтения героя отражает его включенность в духовную и интеллектуальную жизнь, статус чтения повышается, появляются «культовые» книги — это книги Хэмингуэя, Сэлинджера, Фолкнера и др. Книга в руках героя становится ключом, раскрывающим его индивидуальность. Характерно, что тема книги и чтения актуализируется в преломлении к теме отроческой влюбленности — если объект чувств подростка — «читающий герой», то стремление прикоснуться к его духовному миру адресует подростка к его любимым книгам. (Вспомним ситуацию в «Евгении Онегине», когда Татьяна погружается в книги из библиотеки Онегина). Восприятие и переживание этих книг окрашено особыми чувствами — здесь книга предстает в качестве воплощенной духовной эманации личности.

Другая распространенная коллизия — проверка героев отношением к книге. **С читающим героем связан следующий комплекс идей и характеристик: духовность, развитие, самопознание, романтичность, благородство, самобытность, влюбленность, воображение; с «нечитающим» — утилитаризм, ограниченность, стандартность, духовная бедность.**

Иногда чтение и книжность рассматриваются в противоположном ключе: читающий герой оказывается носителем ущербной философии, книжное знание символизирует бесплодное умствование, нечто мертворожденное, искусственное, а «нечитающий» герой оказывается «естественным человеком», мудрым и гармоничным, имеющим «зрячее сердце». Эта коллизия характерна, главным образом, для взрослой литературы (традиции 20-30 гг, современная «деревенская проза»).

На страницах литературы для юношества 70-80-х гг. возникает образ достаточно «киноцентристского» мира, где книга и чтение приобретают знаково-оценочные функции.

В 90-е годы акценты сместились. Автору статьи не удалось обнаружить образа читающего ребенка или значимой сюжетной коллизии, связанной с книгой и чтением, на страницах произведений для детей и юношества, написанных за последние годы. По моим наблюдениям, это связано с тем, что в репертуаре современной литературы для детей оказались

вытесненными на периферию жанры психологической прозы, школьной повести и др., с их особой поэтикой, ориентированной на определенный психологизм и лиризм, с их стремлением (пусть в разной степени художественно убедительным) к воссозданию узнаваемых реалий «быта и бытия» своих героев.

Куда же и почему исчез образ книги и читающего ребенка в современной детской литературе? Ответить на этот вопрос можно только тогда, когда станет понятно, какие изменения претерпела на сегодняшний день сама детская беллетристика. Если исключить из рассмотрения «классику детского чтения» для дошкольников, которую издают и обильно и, в общем, на достаточно высоком уровне книжной культуры, то перед нами развернется панорама серийных изданий, таких как «Фэн-клуб для девочек», «Черный котенок» (детективы), «Твой ужастик» и тому подобное. Почти вся проза, издающаяся сегодня для подростков, укладывается в обойму того или иного массового жанра. Необходимость длить и длить раскупаемую серию диктует издателю совершенно определенные подходы. Прежде всего, издатель не хочет ждать, пока добросовестный писатель выносит идею. Отвоеванная ниша книжного рынка требует новых и новых тиражей. Значит, необходимы поденщики, которые, во-первых, не хотят создавать тексты даже с минимальной психологической глубиной, а, во-вторых, не могут этого.

Закономерно, что именно эта продукция оказывается востребованной сегодня. Издатели, наполняющие рынок книжным «фаст-фудом», откуда-то точно знают, что детские мозги не в состоянии переварить литературно состоятельный текст. Метафора, эпитет, умение строить диалог — все это признается факторами, сбивающими читателя с толку и тормозящими продажи. **Детям предлагаются тексты, лишённые образности, написанные смесью рекламных слоганов, дремучего канцелярита и неумелой подделки под подростковый сленг.**

Технология производства массового чтения не оставляет места собственно писательскому взгляду на события и вещи. Издателю не по душе неопределенность, неизбежная в творческом процессе, а непредсказуемость исхода писательских усилий и вовсе кажется

преднамеренным вредительством. Ясно, что в такой ситуации картина, предлагаемая читателю-подростку, наполняется не столько поступками и предметами, сколько их наименованиями. В такой прозе ассоциации, связанные с книгой, ничуть не богаче ассоциаций, возникающих по поводу скейтборда, плеера или чайника. Герои детских детективов Е. Вильмонт, А. Устиновой и А. Иванова, «девичьей прозы» Л. Матвеевой, сестер Воробей и прочих книгу берут, читают, ставят на полку, передают из рук в руки, но размышления о прочитанном никогда не замутят сознания героя. То, что заключено в книге, не должно просочиться в ткань произведения.

Муляж книги в новодельном тексте несет в себе столько же пищи для раздумий персонажа, сколько белков и углеводов заключено в муляже колбасы на витрине. Герой, созданный по законам издательской технологии последних лет, еще держит в руках книгу, но на читателя он похож не больше, чем гипсовый пионер былых времен на живого ребенка.

С возвращением в детскую литературу «нетехнологической», «неформульной» прозы вернется в мир литературного детства и книга, потому как до тех пор, пока существует «гутенбергова галлактика», существует и нерасторжимая онтологическая связь между ребенком и книгой.

ЛИТЕРАТУРА:

- Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени / Н. М. Карамзин. Избранные сочинения. — Т.2. — М., 1972. — С.23.
- Тарковский А. Держава книги / А. Тарковский. Альманах библиофила. — 1979. — Вып.2. — С.25
- Бунин И.А. Жизнь Арсеньева / И. А. Бунин. Повести. Рассказы. — Л., 1980. — С.435.
- Цветаева М.И. Мой Пушкин / М. И. Цветаева. Мой Пушкин. — Л., 1988 — С. 16
- Шварц Е.Л. Живу беспокойно / Е. Л. Шварц. Живу беспокойно. — Л., 1990. — С. 104
- Крапивин В. Тень каравеллы/ В. Крапивин. Тень каравеллы — М., 1971. — С.29.
- Белый А. На грани веков / А.Белый. На грани веков. — М., 1989.

Использовано фото библиотеки Майинской гимназии, Республика Саха (Якутия).